

МУС ВОПИЮЩЕГО В СТЕПИ: РЕШЕНИЕ ПО МОНГОЛИИ

Никита Колмаков*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-89-98

Введение. В статье приводится исследование международно-правовых аспектов иммунитета высших должностных лиц государства от уголовной юрисдикции МУС в свете недавнего политически ангажированного решения Суда от 24 октября 2024 г. о несоблюдении Монголией обязанности по сотрудничеству с МУС путем неисполнения запроса об аресте и передаче президента Российской Федерации. Автор оценивает выводы МУС на предмет их соответствия нормам обычного международного права, отраженным в представленном КМП в июне 2022 г. проекте статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, а также положениям Части 9 Римского статута.

Материалы и методы. При проведении исследования автор использовал следующие общенаучные и специальные методы: синтез, анализ, индукция, дедукция, диалектический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы, экстраполяция и аналогия.

Результаты исследования. Автор приходит к выводу о порочности позиции МУС о том, что Монголия по запросу МУС была обязана арестовать главу государства, не участвующего в Римском статуте. Подход Суда противоречит как нормам обычного международного права, в соответствии с которыми глава государства обладает иммунитетом *ratione personae* от любой иностранной уголовной юрисдикции, так и положениями ст. 98 (1) Римского статута, которая запрещает Суду обращаться к государствам-участникам Статута с запросом об аресте и передаче наделенного иммунитетом должностного лица государства, не участвующего в Статуте, предварительно не заручившись поддержкой данного третьего государства в вопросе снятия иммунитета. Более того, избыточное ссылающимися на интересы человечества решение обнажает отсутствие у МУС фактических и юридических полномочий по принуждению государств к исполнению *ultra vires* запроса об аресте и передаче, выданного в отношении главы государства, не участвующего в Римском статуте.

Обсуждение и заключение. В качестве заключения автор предлагает подход, в соответствии с которым возможность выдачи и исполнения запроса об аресте и передаче главы государства, не участвующего в Римском статуте, зависит от участия Совета Безопасности ООН в передаче ситуации на рассмотрение МУС. Данный подход в полной мере согласуется с заключением Международно-правового совета при МИД России «Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда».

* Колмаков Никита Евгеньевич, аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: kolmakov_n_e@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0009-0009-6634-4707

Введение

В Решении Международного Суда ООН от 14 февраля 2002 года по делу «Об ордере на арест от 11 апреля 2000 года» (ДРК против Бельгии) указано, что «в международном праве твердо установлено, что, как и дипломатические, и консульские агенты, некоторые должностные лица государства высокого ранга, такие как глава государства, глава правительства и министр иностранных дел, пользуются иммунитетом от юрисдикции в других государствах как гражданской, так и уголовной»¹.

Данное положение констатировало состояние сложившегося к началу XXI века в международном праве отношения к вопросу об иммунитете высших должностных лиц государств от иностранной уголовной юрисдикции.

В последующие годы данное положение стало предметом постоянно расширяющейся дискуссии, подпитываемой судебной практикой органов международной уголовной юстиции, которые согласно их уставным документам призваны лишь дополнять национальные органы юстиции. Однако события последних лет, особенно связанные с деятельностью Международного уголовного суда (далее по тексту – МУС или Суд), свидетельствуют о многочисленных попытках подмены строгого следования нормам международного права об иммунитете высших должностных лиц государств от уголовного преследования, политически обусловленными судебными решениями. Последнее из них – Решение МУС о невыполнении Монголией просьбы Суда сотрудничать в аресте и выдаче Президента Российской Федерации от 24 октября 2024 г.² В своей практике МУС и ранее неоднократно нарушал как положения учредившего его Римского статута Международного уголовного суда (далее – Римский статут или Статут), так

и общепризнанные нормы международного права. Среди наиболее очевидных нарушений – попытки осуществления юрисдикции в отношении деяний, предположительно совершенных на территории и гражданами государства, не участвующего в Статуте. Несмотря на то, что такие нарушения уже становились предметом широкого обсуждения в научной литературе, а сам МУС все больше утрачивает свой авторитет в глазах значительной части международного сообщества, полагаем необходимым продолжение исследований по такому важному вопросу, каковым являются международно-правовые аспекты иммунитета должностных лиц государства от уголовной юрисдикции МУС. Тем более, что в последние годы эта проблема получила новое звучание в контексте работы Комиссии международного права ООН над проблематикой такого иммунитета от иностранной уголовной юрисдикции.

Исследование

С 2007 г. в долгосрочную программу работы Комиссии международного права ООН (далее – КМП) включена тема «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции»³. В 2022 г. КМП приняла в первом чтении проекты статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции⁴, которые предусматривают, что:

- главы государств, главы правительств и министры иностранных дел пользуются иммунитетом *ratione personae* от осуществления иностранной уголовной юрисдикции (ст. 3);
- должностные лица государства, выступающие в качестве таковых, пользуются иммунитетом *ratione materiae* от осуществления иностранной уголовной юрисдикции (ст. 5).

¹ ICJ, Judgement, Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium), I.C.J. Reports 2002. Para. 51.

² ICC PTC II. Situation in Ukraine. Finding under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by Mongolia with the request by the Court to cooperate in the arrest and surrender of Vladimir Vladimirovich Putin and referral to the Assembly of States Parties, No. ICC-01/22, 24.10.2024. Далее упоминается без дополнительных ссылок.

³ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии (1 мая — 9 июня и 3 июля — 11 августа 2006 года). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи о работе ее шестьдесят первой сессии. Дополнение № 10 (A/61/10) // Документ ООН A/61/10. С. 428-433, 440-462.

⁴ Доклад Комиссии международного права о работе ее семьдесят третьей сессии (18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят седьмая сессия, Дополнение № 10 (A/77/10) // Документ ООН A/77/10. С. 219-334. Далее упоминается без дополнительных ссылок.

⁵ Там же. Пункт 31. С. 227.

В Общем комментарии к проектам статей КМП указала, что в них «определяется общий правовой режим, применимый к данной категории иммунитета, который характеризуется следующими элементами: а) он ограничен иммунитетом от уголовной юрисдикции; б) он ограничивается иностранной уголовной юрисдикцией и не затрагивает правовой режим, применимый в международных уголовных судах; и с) он распространяется на всех должностных лиц государства, независимо от занимаемой ими должности или конкретных функций, которые они выполняют в государстве, за единственным исключением тех должностных лиц государства, на которых распространяются специальные режимы»⁵.

Вопреки данному утверждению проект ст. 7 предусматривает исключения в отношении преступлений по международному праву, в отношении которых иммунитет *ratione materiae* от осуществления иностранной уголовной юрисдикции не должен применяться. К ним предложено отнести преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление апартеида, пытки, насильственное исчезновение, которые следует понимать в соответствии с их определением в международных договорах, перечисленных в приложении к проектам статей. В числе этих договоров обозначен и Римский статут Международного уголовного суда. Одновременно в проекте п. 3 ст. 1 указано, что проекты статей не наносят ущерба правам и обязательствам государств-участников по международным соглашениям об учреждении международных судов и трибуналов в качестве *участников таких соглашений*.

Проекты статей через Генерального секретаря ООН были направлены правительствам, международным организациям и другим сторонам для получения от них комментариев и замечаний⁶, которые представлены мировому сообществу в мае 2024 г.⁷

Российская Федерация, в своих комментариях (так же, как и в ходе дискуссий в составе КМП), в числе иного, обратила внимание на то, что:

1). «По ряду ключевых вопросов Комиссия пришла к неверным выводам, не соответствующим ни объективному содержанию международного права на сегодняшний день, ни потребностям государств в его развитии. Главный из таких вопросов — так называемые исключения из иммунитета применительно к наиболее тяжким преступлениям по международному праву (проект статьи 7). Россия настаивает, что в обычном международном праве таких исключений нет и что такие исключения несли бы существенный риск дестабилизации международных отношений, причем без какого-либо ощутимого вклада в борьбу с безнаказанностью»⁸.

2). «Комиссия упустила из виду действительно важный практический вопрос, который возникает на стыке национальной уголовной юрисдикции и юрисдикции международных судебных органов... — обязательства государства в рамках учредительного договора органа международной юстиции не освобождают это государство от обязательств по соблюдению иммунитета должностных лиц государств, которые не являются сторонами этого договора»⁹.

Следует отметить, что подобную позицию высказал еще ряд стран, представивших свои комментарии. В понимании, к примеру, США «любые права или обязательства, вытекающие из таких соглашений, как Римский статут, действуют только между участниками таких соглашений. Этот смысл усилен в комментарии, где отмечено, что «[в] пункте 3 подчеркивается, что проекты статей и специальные режимы, применимые к международным уголовным судам и трибуналам, существуют отдельно и независимо друг от друга». Как указано далее, «договорные правовые режимы,

⁶ Доклад Комиссии международного права о работе ее семьдесят третьей сессии. Резолюция 77/103, принятая Генеральной Ассамблеей 7 декабря 2022 года // Документ ООН A/RES/77/103, 19 December 2022. Пункт 6.

⁷ Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. Комментарии и замечания, полученные от правительств. Комиссия международного права : семьдесят пятая сессия (Женева, 29 апреля — 31 мая и 1 июля — 2 августа 2024 года) // Документ ООН A/CN.4/771, 7 May 2024.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 31.

применимые к международным уголовным судам, как вопрос права международных договоров, распространяются *только на отношения между участниками соглашения об учреждении международного уголовного суда или трибунала*¹⁰.

Применительно к деятельности МУС это означает, что он вправе обращаться с запросами о сотрудничестве по делам в отношении пользующихся иммунитетом лиц к не участвующим в Статуте государствам только заручившись их предварительным согласием. Нормативно такой порядок закреплен в нормах ст. 98 Статута¹¹. Несмотря на договорный характер этих ограничений, в практике МУС их нарушение приобрело системный характер. До недавнего времени наиболее известными фактами этого стали требования МУС к различным государствам мира по выданному им ордеру на арест президента, не участвующего в Статуте Судана Омара аль-Башира¹². Ордер на арест главы Судана подлежал рассылке всем государствам-участникам Статута и членам ООН, не являющимися его участниками. Каждое из государств, в случае нахождения главы Судана на своей территории, обязано принять меры для его задержания и передачи в распоряжение Суда (ст. ст. 89 и 91 Статута). Однако данное достаточно громкое дело продемонстрировало отсутствие у государств намерения активно сотрудничать с МУС - на практике они не проявляли намерения исполнять положения Статута. Глава Судана посетил с официальными визитами ряд стран - Кению (2010), Китай (2011), Ливию и Египет (2012) и некоторые другие, однако данные государства не предприняли никаких мер по его задержанию и передаче в Суд, хотя являются членами ООН и некоторые из них - участниками Статута (Кения).

Позиции всех государств, отказавшихся арестовать и передать МУС Омара аль-Башира, находившегося на их территории, оказались в значительной мере схожими. Они сводились, во-первых, к наличию у него иммунитета как у действующего главы государства; во-вторых, к неисполнению самим МУС предписаний ст. 98 Статута, которое выразилось в необращении к Судану, не являющемуся его участником, с запросом о снятии иммунитета с аль-Башира.

Данную позицию разделили и видные представители научного сообщества. Так, бывший председатель Международного трибунала по бывшей Югославии Антонио Кассесе отметил, что МУС выдал запрос об аресте и выдаче аль-Башира в нарушение положений статьи 98(1) Статута. Он указал, что ввиду того, что Судан не участвует в Римском статуте, а МУС не отозвал иммунитет президента аль-Башира, то последний обладает иммунитетом по отношению к другим государствам. Следовательно, ученый пришел к выводу о том, что: «шаги, предпринятые МУС, превышают полномочия Суда и противоречат ст. 98(1) Статута» [5. Р. 368].

Фактически в деле аль-Башира МУС отказался от соблюдения нормативного исключения из его персональной юрисдикции.

Как известно, Российская Федерация 13 сентября 2000 г. подписала Римский статут Международного уголовного суда, принятый Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН в г. Риме 17 июля 1998 г. А 16 ноября 2016 г. приняла решение о намерении Российской Федерации не стать участником Статута¹³. В силу этого наша страна не являлась и не является участником Статута. Соответственно в отношении высших должностных лиц Российской Федерации МУС не вправе

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ Статья 98 Римского статута предусматривает, что: 1. Суд не должен обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение или с просьбой о помощи, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, противоречащих его обязательствам по международному праву в отношении государственного или дипломатического иммунитета лица или имущества другого государства, до тех пор, пока Суд не заручится сотрудничеством этого другого государства в вопросе отказа от иммунитета. 2. Суд не должен обращаться с просьбой о передаче, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, не совместимых с его обязательствами по международным соглашениям, в соответствии с которыми для передачи какого-либо лица суду требуется получение согласия направляющего государства, если только Суд сначала не заручится сотрудничеством направляющего государства в деле получения согласия на передачу.

¹² Ордер на арест Омара Хасана Ахмада аль-Башира от 04.03.2009 г. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2009_01791.PDF.

¹³ Распоряжение Президента РФ от 16.11.2016 № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 21.11.2016. № 47. Ст. 6630.

обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение или с просьбой о помощи, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, противоречащих его обязательствам по международному праву в отношении государственного или дипломатического иммунитета.

Вопреки этому, МУС продолжает свою нелегитимную деятельность.

24 октября 2024 г. МУС вынес решение, в котором пришел к выводу о том, что Монголия нарушила обязательство по сотрудничеству, предусмотренное ст. 86 Статута. По мнению Суда, нарушение Монголией обязательства по сотрудничеству выразилось в неисполнении запроса МУС об аресте и передаче Суду Президента Российской Федерации во время его официального визита в Монголию в сентябре 2024 г.¹⁴

В данном деле основным вопросом было установление того, обязаны ли государства-участники Римского статута исполнять запрос МУС об аресте и передаче главы государства, не участвующего в нем.

Возражая против обязанности произвести арест и передачу Президента Российской Федерации, Монголия, со ссылкой на ст. 98 (1) Статута, обоснованно указала на то, что не отозванный Россией иммунитет действующего главы государства препятствует исполнению запроса МУС.

Поскольку Российская Федерация не участвует в Статуте, действующий Президент России обладает иммунитетом *ratione personae* от любой иностранной уголовной юрисдикции [3. С. 32].

Из буквального толкования положений ст. 98 (1) Статута, применительно к рассматриваемой ситуации, следует, что МУС не вправе требовать от его государств-участников ареста и передачи Президента Российской Федерации до того, как Россия отзовет его иммунитет.

МУС предпринял попытку отвергнуть данный довод, как якобы противоречащий ст. 27 Статута, которая устанавливает, что должностное положение как главы государства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности, а иммунитеты

по национальному или международному праву не должны препятствовать осуществлению МУС его юрисдикции.

Указывая на структуру Статута, МУС пришел к выводу о том, что поскольку ст. 27 относится к части 3 Статута «Общие принципы уголовного права», то обладает приоритетом перед его ст. 98 и влечет правовые последствия в виде признания ничтожными любых иммунитетов по международному праву, вне зависимости от гражданства обвиняемого, будь то государство-участник Римского статута или нет.

Порочность данного вывода МУС заключается в том, что со ссылкой на одну статью международного договора, суд фактически полностью исключил применение другой его статьи. Такой подход прямо противоречит правилам толкования международных договоров, установленных Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года (далее по тексту – Венская конвенция)¹⁵.

В силу ст. 31 Венской конвенции, международный договор должен толковаться в соответствии с обычным значением его терминов в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. При этом пункт 2 указанной статьи относит основной текст, преамбулу и приложения к контексту международного договора.

Ссылаясь на нормы преамбулы Статута в обоснование своего вывода, МУС одновременно пошел на явное противоречие предложенного им толкования отдельных положений Статута его тексту: одна его статья не может отменять действие другой его статьи. По смыслу ст. 31 Венской конвенции, нормы ст. ст. 27 и 98 Статута должны толковаться в совокупности и взаимосвязи, а также в соответствии с объектом и целью этого международного договора.

Более того, подробно излагая в решении цели Статута, МУС намеренно упустил из виду его объект, а именно те правоотношения, которые им регулируются.

Согласно ст. 34 Венской конвенции, международный договор не порождает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия.

¹⁴ ICC PTC II. Situation in Ukraine. Finding under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by Mongolia with the request by the Court to cooperate in the arrest and surrender of Vladimir Vladimirovich Putin and referral to the Assembly of States Parties, No. ICC-01/22, 24.10.2024.

¹⁵ Венская конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969) // Ведомости Верховного Совета СССР. 10.09.1986. № 37. Ст. 772. Далее по тексту упоминается без дополнительных ссылок на него.

Указанное положение неправомерно отклонено МУС со следующим обоснованием: суд не стремится наложить обязанности, предусмотренные Статутом, на третье государство, а требует сотрудничества от государств-участников в рамках расследования дела в отношении лица, предположительно совершившего преступление, перечисленное в ст. 5 Статута, на территории, относящейся к юрисдикции МУС¹⁶.

При формальном подходе позиция МУС может показаться верной: действительно, обязанность исполнить запрос об аресте и передаче была возложена на Монголию как на участника Статута, а не на Россию, не участвующую в нем.

Однако МУС не учел, что положения ст. 34 Венской конвенции должны толковаться расширительно: международный договор не только не налагает обязательств на третье государство, но и никоим образом не должен затрагивать их права¹⁷. Иными словами, международный договор вообще не может оказывать какого-либо эффекта на третье государство без его на то согласия [6. P. 48].

Международный суд ООН в упомянутом Решении от 14 февраля 2002 г. по делу «Об ордере на арест от 11 апреля 2000 года» (ДРК против Бельгии) признал, что обычное международное право наделяет министров иностранных дел иммунитетом не для их личной выгоды, а для обеспечения эффективного выполнения ими их функций в интересах представляемых ими государств¹⁸. Безусловно, данный вывод применим и к главам государств.

Иммунитет, которым наделен Президент Российской Федерации с учетом норм обычного международного права, является не его личной преференцией, а служит интересам государства.

Следовательно, вывод МУС о том, что запрос суда об аресте и передаче Президента Российской Федерации, выданный на основании ст. 87 Статута, не налагает на Россию каких-либо обязательств и несостоятелен,

поскольку затрагивает права и законные интересы третьего государства, что не допустимо в соответствии со ст. 34 Венской конвенции.

Представляется, что ст. 27 Статута, исключая ссылку на иммунитеты как на основание, освобождающее от уголовной ответственности или препятствующее осуществлению юрисдикции, обязательна только для государств-участников и не может оказывать какого-либо эффекта на третье государство.

Ратификация Римского статута государством является в том числе выражением его суверенной воли отказаться от иммунитетов своих высших должностных лиц в вертикальных отношениях с МУС и горизонтальных отношениях с другими государствами-участниками в случае поступления запроса МУС об аресте и передаче. Однако данное положение никак не может распространяться на государства, не участвующие в Статуте и не признающие юрисдикцию МУС [1. С. 61]. Одновременно представляется, что добровольный отзыв иммунитета высшего должностного лица по запросу МУС государством, не участвующим в его Статуте, о котором говорится в ст. 98 (1), как раз и является тем самым согласием третьего государства, предусмотренным ст. 34 Венской конвенции.

К сожалению, вместо того чтобы отталкиваться от своей правовой природы международной организации, учрежденной многосторонним международным договором, в рассматриваемом решении МУС еще раз продемонстрировал амбиции утвердиться в качестве некоего уголовного суда ООН с обязательной юрисдикцией. На это указывают многочисленные ссылки на свою международно-правовую природу и отправление правосудия от имени человечества.

Безосновательной выглядит попытка МУС представить себя судом, которому международное сообщество «доверило *ius puniendi*» в данном деле.

¹⁶ Supra 1, ¶ 19.

¹⁷ International Law Commission, Draft Articles on the Law of Treaties with commentaries // Yearbook of the International Law Commission. 1966. Vol. II. P. 226.

¹⁸ ICJ, Judgement, Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium), I.C.J. Reports 2002, p. 3, 53.

Подобная позиция впервые была высказана МУС еще в решении по Малави в деле Аль-Башира¹⁹. Однако, следует отметить, что в деле Аль-Башира у МУС были более веские основания претендовать на международное *jus puniendi* ввиду того, что ситуация в Дарфуре, в отличие от ситуации на Украине, была передана МУС Советом Безопасности ООН.

Таким образом, в отсутствие передачи соответствующей ситуации Советом Безопасности, МУС полномочен отправлять правосудие только от имени государств-участников Статута и не более того.

В горизонтальных отношениях ни одно государство или их группа не вправе осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении действующего главы другого государства. Данное правило следует из принципа *par in parem non habet imperium (jurisdictionem)*. Вместе с тем следует также помнить про общеправовую максиму *nemo dat quod non habet*, из которой в контексте рассматриваемой ситуации следует, что если государство-участник не вправе самостоятельно привлечь главу другого государства к ответственности, то и наделить такими полномочиями иного субъекта оно не может.

Подход о том, что одно государство не может судить главу другого суверенного государства, а группа государств может, учредив своим соглашением суд и назвав его международным и якобы действующим от имени человечества, способна привести к катастрофическим последствиям для системы международных отношений [4. P. 175]. Если каждый раз, когда политика одного государства будет встречать неодобрение со стороны какой-либо группы государств, которые будут учреждать суд, издающий ордер на арест высших должностных лиц такого государства и требующий его исполнения, то всю инфраструктуру внешних сношений постигнет коллапс, а сама концепция международного правосудия будет дискредитирована.

В существующем миропорядке единственной организацией, представляющей все человечество, является ООН, что прямо следует из преамбулы ее Устава. Устав ООН не предусматривает наличия при Организации международного суда уголовной юрисдикции по аналогии с Международным судом ООН.

МУС не является органом ООН, и их взаимодействие в силу ст. 2 Статута осуществляется на основании соглашения. Пункт 1 ст. 2 данного соглашения прямо закрепляет независимость МУС²⁰, что подразумевает его непринадлежность к системе органов ООН. Еще более примечательным выглядит то, что МУС сам неоднократно указывал на недопустимость передачи вопросов, относящихся к его компетенции, на рассмотрение Международного суда ООН, тем самым подчеркивая свою независимость от ООН²¹.

Ввиду этого ничем не подкрепленными и непоследовательными выглядят многочисленные утверждения МУС о том, что суд действует от имени всего человечества²².

По настоящее время Статут ратифицировали 124 государства, в то время как в ООН состоят 193. Отдельно следует обратить внимание на то, что такие крупнейшие страны как Индия, Китай, Россия и США не ратифицировали Статут. Таким образом, претензии МУС на то, чтобы являться представителем всего человечества беспочвенны.

Еще более несостоятельной видится попытка МУС прикрыться авторитетом Совета Безопасности ООН. В параграфе 32 решения указывается, что Совет Безопасности ООН, на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, неоднократно признавал роль МУС, в частности в резолюциях, передающих на рассмотрение суда ситуации в Дарфуре и Ливии. Однако данный довод едва ли можно признать убедительным.

Во-первых, передача Советом Безопасности на рассмотрение МУС ситуаций в Дарфуре и Ливии никак не влияет

¹⁹ ICC PTC-1, Situation in Darfur, Sudan, the Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir, Corrigendum to the Decision Pursuant to Article 87(7) of the Rome Statute on the Failure by the Republic of Malawi to Comply with the Cooperation Requests Issued by the Court with Respect to the Arrest and Surrender of Omar Hassan Ahmad Al Bashir, No. ICC-02/05-01/09, 13.12.2011, 46.

²⁰ Negotiated Relationship Agreement between the International Criminal Court and the United Nations, утверждено Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 58/318 от 13.09.2004, вступило в силу 04.10.2004.

²¹ ICC, Q&A regarding Appeals Chamber's 6 May 2019 Judgment in the Jordan Referral re Al-Bashir Appeal, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/itemsDocuments/190515-al-bashir-qa-eng.pdf>. (Дата обращения: 28.10.2024).

²² Supra 1, 30-31.

на расследование ситуации на Украине, переданной МУС ограниченной группой политически мотивированных государств-участников Статута, а не Советом Безопасности ООН. Соответственно, аргумент о том, что передача последним ситуации на рассмотрение МУС аннулирует иммунитет главы государства, не участвующего в Статуте, использованный в деле Омара Аль-Башира, неприменим при данных обстоятельствах.

Во-вторых, крайне самонадеянной видится попытка МУС представить себя некой судебной ветвью Совета Безопасности ООН в условиях, когда большинство его постоянных членов не ратифицировали Статут.

Соответственно, отсутствуют как правовые, так и политические и фактические основания считать МУС судом, осуществляющим правосудие от имени человечества, ООН или Совета Безопасности ООН.

Еще более несостоятельной выглядит попытка МУС оправдать *ultra vires* обращение к государству-участнику Статута с запросом об аресте и передаче главы государства, не участвующего в нем, используя ненадлежащее толкование ст. 98 (1) Статута. Данное положение прямо запрещает МУС обращаться к государству-участнику с запросом о передаче высшего должностного лица третьего государства, пока это государство не отзовет его иммунитет. МУС, обратившись к Монголии, нарушил данное предписание.

В рассматриваемом решении МУС пытается оправдаться тем, что отзыв Россией иммунитета Президента вообще не требовалось, поскольку ст. 98 (1) Статута, якобы, защищает не высшее должностное лицо, а помещения дипломатических миссий, иное имущество и документы, принадлежащие третьему государству.

Данный вывод абсурден. Во-первых, потому, что ст. 98 (1) запрещает обращаться именно с запросом о передаче (англ.: *surrender*). Данный термин в Статуте и документах Суда используется исключительно в контексте лиц, а не помещений, имущества или документов. Во-вторых, традиционно уголовный процесс, в том числе и международный, предоставляет лицам большую защиту, нежели помещениям, имуществу и документам. На это указывает и ст. 21(3) Статута, согласно которой МУС должен применять и толковать его нормы в соответствии с международно-признанными правами человека. В этой связи крайне странной

выглядит позиция, в соответствии с которой для изъятия документа, принадлежащего третьему государству, требуется его согласие, а для ареста его высшего должностного лица – нет.

Приведенный нами анализ показывает, что запрос МУС об аресте и передаче Президента Российской Федерации (впрочем, как и сам ордер об аресте) является *ultra vires* и не подлежит исполнению государствами-участниками Статута как нарушающий запрет, установленный ст. 98 (1).

Подводя итог, укажем, что если МУС стремится завоевать репутацию суда, руководствующегося принципом *fiat iustitia, et pereat mundus*, то такие неправосудные и политизированные судебные акты как решение по Монголии от 24.10.2024 не просто не приближают его к этой цели, но все дальше отдалают от ее достижения.

Заключение

В качестве заключения автор полагает возможным следующий подход к рассмотрению вопросов об иммунитете высшего должностного лица третьего государства на осуществление государствами-участниками Статута международного сотрудничества и судебной помощи МУС в форме ареста и передачи.

По смыслу положений Глав V-VII Устава ООН, Совет Безопасности ООН – это единственный орган, который действует от имени всех членов ООН в целях поддержания международного мира и безопасности, и чьи действия и решения носят общеобязательный характер.

В случае, если Совет Безопасности ООН резолюцией передал ситуацию на рассмотрение МУС и обязал третье государство, должностным лицом которого является обвиняемый, сотрудничать с МУС, то он вправе требовать от государств-участников МУС ареста и передачи обвиняемого без согласия третьего государства на отзыв иммунитета его чиновника. Это связано с тем, что в данном случае сотрудничество с МУС путем отзыва иммунитета происходит не добровольно, о чем говорится в ст. 98 (1) Статута, а в силу обязательной резолюции Совета Безопасности ООН.

Мнение о том, что на третьи государства, которые Совет Безопасности ООН обязал сотрудничать с МУС резолюцией о передаче ситуации, распространяется режим

сотрудничества для государств-участников, установленный частью 9 Статута, озвучивал и сам МУС в постановлении апелляционной палаты в отношении Иордании²³.

Без резолюции Совета Безопасности ООН о передаче ситуации МУС не вправе обращаться к государству-участнику Статута с запросом об аресте и передаче высшего должностного лица третьего государства, не отозвавшего иммунитет своего должностного лица. В свою очередь, запрашиваемое государство не должно исполнять такой *ultra vires* запрос МУС, поскольку это нарушит его международно-правовые обязательства.

Данный вывод в полной мере согласуется с заключением Международно-правового совета при МИД России «Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда», согласно выводам которого:

«5. Так называемые ордера на арест, выданные Международным уголовным судом в отношении Президента Российской Федерации и уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, являются неправомерными с точки зрения как общего международного права, так и Римского статута. Выдав эти ордера, МУС

как международная организация совершил международно-противоправное деяние.

6. Национальное исполнение ордеров на арест, выданных МУС, является формой осуществления государством своей собственной уголовной юрисдикции. Попытка исполнения ордера на арест, выданного МУС в отношении должностных лиц государств, не являющихся участниками РС и в отсутствие соответствующего решения СБ ООН, стала бы нарушением норм об иммунитетах и, следовательно, международно-противоправным деянием соответствующего государства, влекущим международную ответственность этого государства.

7. В своей деятельности МУС отошел как от своих первоначальных целей, заложенных Римским статутом, так и в целом от норм и принципов международного права. Налицо признаки его политизации и ангажированности. Совокупность допускаемых МУС и его прокурором нарушений международного права, процедурных упущений, вмешательства посторонних политических факторов, позволяет ставить вопрос об утрате Судом авторитета в глазах значительной части международного сообщества и как следствие, - его легитимности» [2. С. 55-56].

Литература:

1. Богуш Г.И. Прокурор против Аль-Башира: ордер на арест и иммунитет действующего главы государства // Альманах международного права. 2009. № 1. С. 59-68.
2. Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда: Заключение Международно-правового совета при МИД России. Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2024. 64 с.
3. Татаринов М.К., Касперович А.М. Иммунитеты должностных лиц государств от иностранной уголовной юрисдикции: обзор позиций государств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 01. С. 32-36.
4. Akande D. The Immunity of Heads of States of Nonparties in the Early Years of the ICC // AJIL Unbound. 2018. P. 172-176.
5. Cassese A., Gaeta P. Cassese's International Criminal Law, 3rd edition. Oxford University Press. Oxford, 2013. 472 p.
6. Fitzmaurice M. Third Parties and the Law of Treaties // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2002. Vol. VI. P. 37-137.

²³ ICC AC, Situation in Darfur, Sudan, the Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir, Judgment in the Jordan Referral re Al-Bashir Appeal, No. ICC-02/05-01/09 OA2, 06.05.2019, ¶ 141.

ICC OF ONE CRYING IN STEPPE: FINDING OVER MONGOLIA

Introduction. The article provides a study of international law aspects of senior state officials' immunity from ICC criminal jurisdiction in light of the Court's recent politically biased finding of 24 October 2024 on Mongolia's failure to fulfill its obligation to cooperate with the ICC by non-execution of the request for the Russian President arrest and surrender. The author examines the ICC's ruling for its consistency with customary international law as reflected in the ILC's June 2022 Draft Articles on Immunity of State Officials from Foreign Criminal Jurisdiction, as well as the provisions of Part 9 of the Rome Statute.

Materials and methods. In conducting the research, the author employed the following general scientific and special methods: synthesis, analysis, induction, deduction, dialectical, formal-legal, system-structural, comparative-legal methods, extrapolation and analogy.

Research results. The author concludes that the ICC's approach is flawed in its contention that Mongolia, at the request of the ICC, was obliged to arrest a Head of State not party to the Rome Statute. The Court's approach is at odds both with customary international law, according to which a Head of State has immunity *ratione personae* from any foreign criminal jurisdiction, and with the provisions of art.

98 (1) of the Rome Statute, which bars the Court from requesting States parties to the Statute to arrest and surrender an immune official of a State not party to the Statute, without first obtaining voluntary waiver of immunity from that third State. Moreover, the ICC decision, replete with references to the interests of humanity, reveals the Court's lack of actual and legal authority to enforce the *ultra vires* request for arrest and surrender issued against the Head of State not party to the Rome Statute.

Discussion and Conclusion. In conclusion, the author proposes an approach according to which the feasibility of issuing and executing a request for the arrest and surrender of a head of state not party to the Rome Statute depends on the involvement of the UN Security Council in referring the situation to the ICC. This approach is fully consistent with the conclusion of the International Legal Council under the Russian Ministry of Foreign Affairs "Problems of legitimacy of the International Criminal Court".

Nikita E. Kolmakov,
postgraduate student, Department
of Criminal Law, Criminal Procedure and
Criminology, MGIMO University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

глава государства, иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, иммунитет от уголовной юрисдикции, Комиссия международного права ООН, Международный уголовный суд, ордер на арест, передача, Монголия

Keywords:

Head of State, Immunity of State officials from foreign criminal jurisdiction, Immunity from criminal jurisdiction, International Law Commission, International Criminal Court, arrest warrant, Surrender, Mongolia

References:

1. Bogush G.I., 2009. Prokuror protiv Al'-Bashira: order na arest i immunitet dejstvujushhego glavy gosudarstva [Prosecutor v. Al-Bashir: Arrest Warrant and Immunity of the Incumbent Head of State]. *Al'manah mezhdunarodnogo prava [International Law Almanac]*. № 1. S. 59-68.
2. Problemy pravomernosti dejatel'nosti Mezhdunarodnogo ugovalnogo suda: Zakljuchenie Mezhdunarodno-pravovogo soveta pri MID Rossii [Problems of Legality of the International Criminal Court: Conclusion of the International Legal Council under the Russian Ministry of Foreign Affairs]. 2024. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 64 s.
3. Tatarinov M.K., Kasperovich A.M., 2024. Immunitety dolzhnostnyh lic gosudarstv ot inostrannoju ugovolnoj jurisdikcii: obzor pozicij gosudarstv [Immunities of state officials from foreign criminal jurisdiction: review of the states' positions]. *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija [International Criminal Law and International Justice]*. № 01. S. 32-36.
4. Akande D., 2018. The Immunity of Heads of States of Nonparties in the Early Years of the ICC. *AJIL Unbound*. P. 172-176.
5. Cassese A., Gaeta P., 2013. Cassese's International Criminal Law, 3rd edition. Oxford University Press. Oxford. 472 p.
6. Fitzmaurice M., 2002. Third Parties and the Law of Treaties. *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. Vol. VI. P. 37-137.